

Александр Радашкевич – поэт, выпадающий из привычной манеры письма, соблюдающей стандартный катрен, с цезурой и рифмованными окончаниями строк. Его стихи выглядят растянутой лентой, которая не обрывается на протяжении всего корпуса стихотворения. Глаз не улавливает скрытых внутри ритмических и интонационных пауз, всплывающих рифм, метафорических сполохов. Читателю предоставляется свобода нащупывать интонацию и ритмику стихотворений, задерживая своё внимание на неожиданных ярких образах! Я бы предложил читателю перечитывать эти стихи вслух, улавливая все нюансы поэтической речи Радашкевича.

Д. Ч.

ПОДВОДНЫЙ ВОДОПАД

ПОВЕЧЕРНЕЕ

Какая благодать – строить планы ревнительно,
задолго, ни на что, какая нежность – предвкушенье
надвёздных встреч ни с кем, какое облегченье –
сбирание пузатых чемоданов в святое никуда, как
дороги нетронутые книги, как долог полый день и
лёгок сумрак незакатный, который не с кем коротать
и чья сиреневая вязь сворачивается в каменные руны,
чью тайнопись и снам не разгадать, как близко то,
что за горами, в ветрами выуженной мгле, как сладка
память отрешенья и внятны стёртые слова, и ангелы,
и ангелы забвенья как милосердны в сущей наготы,
когда недвижна скоротечность в своей подводности
немой, и вечен вечер, что диктует навек забытые стихи.

*Когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил,
куда хотел; а как состаришься, прострѣшь руки твои,
и другой тебя препояшет, и поведѣт, куда не хочешь.*

Ин 21:18

Меж дверью больничной и лабораторией старуху полоумную отчего-то катают туда и обратно. Она кричит: «Etoile! Etoile!», зовѣт свою оглохшую звезду. Прохожие вежливо делают вид, что не видят её в упор, а медсестрица за спиной, как занятый Харон, ей ничего не отвечает. «Этуаль! Этуаль!..» Она срывается на детский плач, и от него неожиданно наплывают скрипично-ветреные волны из штраусовых вальсов, потом, как брошенная кошка под окном давно уехавшей хозяйки, лишь открывает рот беззвучно, уставясь ни во что. Синюшными клешнями она сжимает на коленях то ли подушку, то ль подвенечный смятый убор. «Этуаль! Этуа-а-аль!..» Крик разрывает набухшую душу, и я убегаю из дома, а когда ворочаюсь с порожней прогулки, на улочке течѣт густая тишина, и осипшей в конец старухи простыл уж звѣздный след, и там, лишь там, за стѣртым поворотом, мерцает млечная тропа, где тает всякий взгляд и вздох, и глас, пустоты оглашавший.

* * *

В дольней доле всё только разлука,
на скользкой паперти предвечных
расставаний она вернее нашей тени
и встречи верной злой залог, и те,
кто с нами раз и навсегда – лишь
дичь её излюбленной ловитвы, её
капканов и тенѣт. Ещё мы греем
чью-то руку в своей неверящей руке
и заплываем в вешний взгляд, ещё
витаем в небе снов, повитом наливными
облаками, но занавес свинцовый уже
срывается, как нож, с расшатанных
петель и разделяет нас с неотделимым.
Нечаянные встречи заведомых разлук
несут в себе змеиное зерно, и в час,
когда и слабость не под силу, нам
отдирают кожаные крылья от беспомощно

вогнутых плеч, и мы вовек одни на
рваном перепутье под сводом распятых
небес, где всякий поворот срывается
в обрыв, где в тупиках зеркальных
анфилад гнездятся слепые звёзды
наших встреч, укутанные в пух и прах
заботами предвечных расставаний.

МАГНОЛИИ В МАРТЕ

Но взорвались магнолии в марте
хладным розовым огнём, откололось
наживное, неотвязное сошло, и
заводят гимны лета в неочнувшихся
ветвях, попирая ход сюжетов, пред-
апрельские дрозды, хоть пока лишь
про себя. Я забрёл сюда невольно и
непрошено уйду, ничего вовек не понял,
всё в сердцах благословил: эту вязь
напрасных песен и весеннего шалого
бога в покровях обнажающего света,
что нарочно поверил в меня, небо,
что стирает ветер над рекою рedeющих
снов, сиротливую свободу и нечающее
сердце, что сорвалось обомлело в пламя
хладное магнолий по беспамятной весне.

ПОДВОДНЫЙ ВОДОПАД

Жизнь, которая не в радость, в белой благодати отжить.
Всё, что сплыло, было ль въяве, не примнилось на рассвете
в золотеющих лучах, млечно нас не целовало в приотверстые
уста? Свет давно не в ногу с нами, леденеющий, чужой.
Нас от стен не отличают мимо шпарящие тени с проводками
в голове и глазами гудящих пустот. Нас давно для нас
не стало, их и не было вотще. Обрываются тропинки на
обратной высоте, и зеркальный чемоданчик растворяется
в углу: там и зори, там и взоры, новогодние сугробы и
записка от мечты, всё, что было и не стало, с богом по миру
пошло. И старательно вмерзая в обряд повинных доживаний,
мы себя не вспоминаем, чтобы нас не занесло, но какой-нибудь

срезанный лучик вдруг высветит нечаянно в груди, разомкнутой незрячими ветрами, океан нетраченной любви, где алых парусов крылатые шелка и острова весны обетованной, и где молчит подводный водопад, из снов впадающий в себя. Жизнь, которая не в радость, в рваной радости отжить на краю у белых радуг, где качает и кружит^ит^ь вслед за шаром занемевшая душа.

СО СКАМЬИ

А синий ветер созерцаний, а дней серебряная скань, и ключ от прошлого в колодце, и мир, что чёсан одной гребёнкой, исчислен, взвешен, обречён, но в оный день, укутавшись в постылое пальто, ты различишь струистую подкладку, и уж поплыли облака из отмахавших мимо рукавов, легли луга по серым обшлагам и дышит млечный океан в небывшем внутреннем кармане, и птаха пегая, уставясь прочь, засеменит у талых ног, признав пернатого нахохленного брата и поднимая в немой полёт, откуда примечают граждан милых, кто и не жил от страха жизни, от страха смерти умирая. А ветер сизый созерцаний, девятый вал в грудном кармане и облака по полым рукавам.

РАЗВЕ

Что осталось – разве радость, злая радость неспроста, разве рваное терпенье и сползанье с руинных небес, разве копоть, разве накипь на краях дорожной кружки, ус краплёного туза. Что не стало, то осталось вешать **на** уши лапшу, что привиделось, настало, а нагадано – сошло. Разве дней немые волны на свиданьях безлюбых с собой, разве внятность неприятий и острог пустых свобод, разве ветры прозябаний, те, что *за* руку проводят к каменеющим садам, злая радость невзиранья да расплата за неё, и меня сажают

старшим, и меня сажают крайним
за родимым накрытым столом, под
которым вчера лишь ходил. Что
осталось – разве радость, и уж если
не об этом, видит бог, что не о том.

Париж